

**ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ**

2

1946

ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ

№ 2

Февраль 1946 года

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Церковная жизнь

ГОДОВЩИНА ИНТРОНИЗАЦИИ СЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ

(4 февраля 1945 г. — 4 февраля 1946 г.)

4 февраля 1946 г. в Богоявленском Патриаршем соборе Сятейшим Патриархом Алексием было совершено торжественное богослужение. В этот день Русская Церковь праздновала годовщину интронизации Его Сятейшества.

Задолго до начала службы собор был переполнен верующими русскими людьми. Все московское духовенство и часть пригородного собрались в алтаре и на левом клиросе.

В ожидании приезда Сятейшего невольно вспоминалось 4 февраля 1945 г. и все знаменательные события истекшего года. Тогда еще шли тяжелые бои, лилась потоками кровь, но свет победы уже пробивался сквозь мрачные тучи войны. И этот свет приближающегося мира освещал собою величественную картину торжества по случаю вступления на Патриарший престол нового Патриарха Московского и всея Руси.

В этих торжествах принимали участие Александрийский, Антиохийский и Грузинский Патриарх, а также и иерархи почти всех автокефальных Православных Церквей мира. Русская Православная Церковь за всю свою историю никогда не видела на Руси представителей стольких Православных Церквей одновременно. В этом событии верующие русские люди видели предзнаменование того, что годы Патриаршества Сятейшего Алексия будут исключительными годами. Прошедший год показал, что эти чаяния оправдались. Первый год Патриаршества Патриарха Алексия войдет светлой страницей в историю не только Русской, но и всей Православной Церкви. Прекрасный обзор деятельности Сятейшего за этот год сделал Митрополит Крутицкий Николай в своем поздравительном слове, сказанном в конце службы.

Литургия началась точно в 10 часов. Пело три хора. Патриарший хор под управлением д-ра В. С. Комарова; хор, который составилсЯ из духовенства, собравшегося на левом клиросе, и хор студентов Богословского института. Год тому назад Литургия в этот день была торжеством единства Вселенской Православной Церкви — величественным и пышным служением во всей полноте византийского великолепия. В этом году Литургия, совершенная Сятейшим в сослужении шести священников, олицетворяла собой личную скромность Сятейшего, который всегда и повсюду старается приуменьшить свои заслуги. В ответном слове Митрополиту Николаю эта скромность воплотилась во всей своей красоте. Но если не было прошлогодней пышности, то какая была теплота! Сятейший, духовенство и народ слились воедино в горячей молитве, благодаря Господа за все Его бесчисленные благодеяния, излиянные в истекшем году на Русскую Церковь и русский народ!

Доцент Богословского института о. протоиерей Д. Н. Боголюбов после запричастного концерта сказал слово на тему: «Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в оный».

Проповедник говорил, что это пасхальное песнопение радостно повторяется верующими и в день интронизации Святейшего Отца нашего, Патриарха Алексия. «Сей день» — пасхальный для Церкви. Церковь, как благодатный корабль, предназначенный для доставления верующих в небесное царство Христово, ныне окончательно принял вид благоустроенного и вполне готового к пути крабля. Она возглавилась надежным кормчим, Святейшим Патриархом Алексием, и готова вполне к путешествию. Ей не страшны бури... Она знает и верует, что с нею Христос и Покров Божией Матери. Она верует в молитвы за себя Святителей Московских. По их примеру и образцу Святейший Патриарх поведет Церковь.

Пусть еще мало время святительства Патриарха Алексия. Но это время, как прекрасная утренняя заря, обещает нам радостный день. Бог, видимо, благословляет вступление Патриарха Алексия в управление Церковью.

Вот канонически отпавшие от нас «Западные ориентации» православных христиан — Карловацкая, Парижская и др. — обратились с покаянным прошением к Святейшему Патриарху о приеме их в духовное общение с Патриархией. И они уже приняты в это общение. Радостно это сознавать.

Но это только начало. У Церкви есть другие задачи: примирение с раскольниками, особенно с приемлющими священство. Задача — огромной важности. Труднейшая...

Но веруем и станем молиться, чтобы Господь благословил нашего Святейшего Патриарха и этой радостью...

Тогда за ним по праву укрепится звание Отца и Собирателя расточенных чад Христовой Церкви в одну священную общину, в одно Тело Христово.

И сие — станем молиться — буди и буди!...

После Литургии Святейшим Патриархом в сослужении Митрополита Крутицкого Николая, Архиепископа Тульского Виталия, Епископа Пензенского Михаила, Епископа Можайского Макария, Епископа Кировоградского Сергия и многочисленного сонма духовенства был совершен благодарственный молебен. Перед молебном от лица Русской Церкви Святейшему был поднесен ценный образ Спасителя. Поднося его, Митрополит Николай сказал следующую речь:

«Ваше Святейшество,
Святейший Владыко и дорогой наш Отец!

Сегодня исполнился год Вашего Патриаршего служения.

Мы собрались сюда, чтобы помолиться вместе с Вами и приветствовать Вас с этим знаменательным днем, знаменательным не только для Вас, не только для нас, не только для Русской Церкви в целом, но — не обинуясь надо сказать — для всего православного мира.

Все, что сопровождало Ваше восшествие на Патриарший престол год тому назад: и единодушное избрание Ваше всею Церковью, и прибытие на Поместный Собор предстоятелей и представителей восточных и других автокефальных Церквей, их совместная молитва с нами в священный день Вашей интронизации. Ваше паломничество к св. Гробу Господню в самом начале Вашего Патриаршества и совершения Вами там молитва за Русскую Церковь и за православный русский народ, — все это было добрым и светлым предзнаменованием.

Прошел год, и все мы воочию видим знаки Божьего благоволения к Вашему Святейшеству, знаки благословения небесного на Вашем Патриаршем служении.

Пребывание в Москве представителей древних восточных патриархатов и Ваша ответная поездка в Сирию, Ливан, Палестину и Египет имели своим плодом то, что слава и величие Русской Церкви вновь засияли во всем своем блеске на Ближнем Востоке. Укрепление братских связей с Православными Церквями на Балканах путем личных встреч и переписки привело к тому, что эти Православные Славянские Церкви не только взирают на нашу Церковь, как на свою великую старшую сестру, но и главу ее, Патриарха Московского и всея Руси, считают главой всего православного славянского мира. Знамя Русской Православной Церкви, Промыслом Божиим вложенное в Ваши руки после блаженной кончины незабвенного Святейшего Патриарха Сергия, Вы высоко подняли за этот год над всем православным миром.

Русская Православная Церковь, руководимая Вашим Святейшеством, нашим дорогим Отцом, горячо любимым всем русским верующим народом, в этом первом году Вашего Патриаршества и внутренне крепла, развивалась и расцветала. За этот год организован ряд новых епархий, духовно-учебных заведений; возобновлен колокольный звон в храмах; открыто много храмов по городам и селам нашей страны.

Мы не перестанем благодарить Пастыреначальника нашего Господа Иисуса Христа за то, что Он дал Вас Церкви Своей святой к славе ее и на радость и утешение наше.

Мы горячо молим Господа Бога, да продлит Он Вашу жизнь на долгие годы для дальнейшего расцвета Церкви под Вашим благим для нее водительством.

Принося поздравление Вашему Святейшеству от лица Священного Синода, епископата Русской Церкви, Вашей московской паствы и паствы всея Руси, мы просим Вас, Святейший Владыко, на память о сегодняшнем знаменательном дне принять от Вашей всероссийской паствы подносимый мною святой образ нашего Спасителя.

Да хранит Вас наш общий Небесный Отец в здравии и долголетиин!».

На это приветствие Святейший Патриарх Алексий ответил следующей речью:

«Благодарю Вас, Высокопреосвященнейший Владыко, и в лице Вашем Преосвященных и всю обширную паству мою за выраженные Вами чувства и за это святое благословение, которое приемлю как благословение нашей Церкви на продолжение того служения, к которому я год тому назад призван Промыслом Божиим.

Все, что сказано Вами о совершившемся в истекшем году в нашей Церкви, — совершилось не моими трудами и заслугами, а по милости и благодати Божией, общими молитвами и трудами прежде всего возлюбленных собратий, Преосвященных Архипастырей, пастырей и всех благочестивых и верных чад наших.

Настоящее наше молитвенное собрание есть торжественное выражение нашей общей благодарности Господу за Его милости и Его небесную помощь в наших трудах. Мы благодарим Господа прежде всего за то, что Он услышал молитвы Церкви Своей и что окончилась эта ужасная кровопролитная война, причинившая столько мучений, страданий, лишений и душевных ран русскому народу.

Я благодарю со всеми вами Господа и за то, что начатки моего служения Он благоизволил освятить нашим паломничеством в Святую

Землю, поклонением Его Святейшему Гробу и молитвою в священнейших для христиан местах Его пребывания на нашей земле.

Благодарю Господа за то, что Он помог нам воссоединить со Святою Церковью отколовшихся от нее братьев наших, пребывавших в разделении много лет.

Благодарю Господа за Его помощь в деле приготовления к пастырскому деланию тех, кто имеет сменить нас на поприще служения Церкви Христовой.

Наконец, благодарю с вами Господа за умножение храмов Божиих по лицу земли Русской, в чем мы видим выражение благоволения Божия к Православному Русскому народу.

Все эти милости Господни мы приемлем как дар Божий и как призыв к сугубой ревности в нашем служении. И, принося Господу благодарение за эти милости, мы возносим к Нему наши усердные молитвы, да пробавит Он милость Свою к нам и на будущее время. И наше упование на Его небесную помощь и все немощные силы наши смиренно полагаем к стопам Господа.

Да благословит Господь труды и каждого из вас, моих сотрудников, в деле служения Церкви, и пусть каждый пастырь, как кормчий, бодрственно и с сугубым усердием правит врученным ему церковным кораблем, отдавая этому делу все свои силы. Все свои нужды, все свое горе, все душевные раны, немощи и болезни наш верующий народ несет к Божью алтарю и здесь от пастырей Церкви ждет и ищет утешения и цельбы, ибо он верует, что пастырь имеет особую благодать и силу низводить благословение Божие на страждущие сердца людей. Не посрамям этой надежды, и с верой в благодатную помощь Господню будем творить дело благодатного возрождения скорбящих и унывающих душ человеческих.

Помолимся же общею молитвою, да дарует каждому из нас и всем нам Господь Свою всесильную помощь. Аминь».

После молебна было провозглашено многолетие. И когда несколько десятков протоиереев и диаконов громогласно возгласили троекратное «Многая лета», весь народ в восторженном умилении вознес свои молитвы ко Господу, прося долголетия своему возлюбленному Патриарху.

Радостным перезвоном колоколов закончилось это скромное и в то же время величественное торжество.

ОТ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ

К годовщине избрания и интронизации 2—4 февраля сего года мною получено от Преосвященных, от Настоятелей и Настоятельств монастырей, от приходских пастырей и многочисленных мирян — как из нашего Союза так и из-за границы — приветственные письма и телеграммы.

Выражаю сердечную благодарность за эти приветствия и молитвенные пожелания и уповаю, что молитвы собратий и сослужителей — Преосвященных Архипастырей, пастырей и верных чад нашей святой Церкви, как помогали до сего времени, так и в дальнейшем помогут мне непреткновенно и во славу Божию нести подвиг служения, на который призван я Промыслом Божиим.

**АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ
И ВСЕЯ РУСИ**

4.II.1946 г.

ВОССОЕДИНЕНИЕ

Памяти пребывания в Париже делегации Московской Патриархии
(24 августа — 4 сентября 1945 г.)

Воссоединение всех зарубежных церковных группировок в лоне Матери Русской Патриаршей Церкви, любвеобильно открывшей свои материнские объятия всем своим детям, не могло не отозваться глубоко в сердцах и умах всех верующих русских людей.

Прибытие из Москвы Высокопреосвященного Митрополита Николая Крутицкого в сопровождении протоиереев: отца Благочинного Павла Цветкова и отца Петра Филонова, его богослужения, собиравшие толпы людей с разных концов Парижа, приходивших помолиться и послушать горячее и проникновенное слово Владыки, все это придавало радостно-праздничное, как бы пасхальное настроение дням его пребывания среди нас.

Для здешних верующих русских масс это был первый живой и непосредственный контакт с Матерью-Церковью и с Матерью-Родиной.

Во всех проповедях митрополита Николая звучала потрясавшая сердца преданность Церкви Православной, пламенная любовь к нашему родному народу и ко всем русским людям.

Кто из присутствовавших не думал в эти минуты, мысленно переносясь туда, на далекую Родину, в родную Москву, что там несколько дней тому назад также молились «единими усты и единым сердцем» и слушали те же слова сотни и тысячи наших братьев по крови и духу!

Митрополит Николай поведал нам живым словом, что мы знали только из журналов и газет, о том участии, которое приняла наша Церковь в оборонительной героической борьбе, выпавшей на долю нашей Родины.

Он дал нам прикоснуться к ранам, нанесенным ей жестоким фашистским врагом. Из его слов мы узнали, что, как и встарь, в эту Вторую Отечественную войну Русская Церковь явила свое полное и тесное единение со своим народом, разделив его судьбу в годину тяжкого испытания. Он рассказал нам о посещении нашим общим духовным Отцом, Святейшим Алексием, Патриархом Московским и всея Руси, Святой Земли и Восточных Патриархов — факт беспрецедентный в истории Русской Церкви — и о сопутствовавшем всюду Патриарху в его поездке взрыве энтузиазма среди братских православных народов.

Это было демонстрацией вселенского сознания Православной Церкви.

Этот же подлинно вселенский размах был выражен Митрополитом Николаем в проявленной им чуткой Христовой любви к нашим

братьям — православным французам, а также и при посещении местных французских святынь.

На примере его личности мы воочию узрели, как гармонически соединяется в православном сознании подлинный патриотизм со вселенским церковным охватом.

Владыка Николай как-то по-новому зажег наши сердца и заставил почувствовать, что все мы — дети одной нашей Матери Русской Церкви и одного великого нашего русского народа.

Он явил нам дар большой христианской любви, и мы все его полюбили нашей ответной сыновней любовью.

Митрополит Николай дал нам бесконечно много, и его светлый образ останется навсегда в памяти каждого, кто хоть раз его увидел и услышал.

Краткие дни его пребывания в Париже закончились торжественной Литургией в Александро-Невском соборе 2 сентября 1945 г.

Сослужение Митрополитов Николая, Евлогия и Серафима, Архиепископа Владимира и Епископа Иоанна с сонмом духовенства ознаменовало конец расколов, раздиравших русское церковное зарубежье.

Откол от Русской Церкви, длившийся долгие годы, болезненно переживали все.

Его переживали и те немногие, кто оставался верен все эти годы Московской Патриархии, и те, кто, силою обстоятельств и сложных причин, от Нее временно отошли. О нем матерински скорбела сама наша Русская Церковь.

Это чувствовали и сознавали и иерархи, и священники, и масса верующего русского люда, не могущего зачастую разобраться во всех тонкостях канонического положения.

Это был недуг, поражавший церковное тело и мешавший его нормальному развитию.

А сколь пагубно отзывался он на положении и авторитете Православной Церкви среди инославного мира!

Это прекращение расколов открывает новые перспективы перед верующими людьми, свободными отныне от ставшей ненужной полемики и взаимно изнуряющей розни, для созидательного труда, для нового строительства во Славу Божию и на пользу Его Святой Православной Церкви.

Благословен Господь за то, что Русская Церковь сияет и тем свидетельствует, что Она не есть только явление старого мира, но и нового, вернее, что Она вечна до скончания века!

НИКОЛАЙ ПОЛТОРАЦКИЙ
НАЧАЛЬНИК БРАТСТВА СВ. ФОТИЯ

Париж, 25 октября 1945 года.

ПРАЗДНИК В ЧЕСТЬ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «УТОЛИ МОЯ ПЕЧАЛИ»

В церковном мире известно много чудотворных икон Божией Матери, являющихся сокровищем для верующих и в своих различных, часто трогательных и поэтических наименованиях, сосредоточивающих все чаяния, помышления, упования и искания нашего сердца. Став Матерью Бога, Она стала Матерью всех к Ней притекающих, усердной Заступницей, Утешительницей. Ее помощь, Ее милость испытал всякий, кто только обращался к Ней.

Чье сердце не открывалось для молитвы, не становилось мягче, чище хоть на миг перед кротким святым Ее взором? Кто не уловил в святых чертах Ее лика неусыпного постоянного внимания и участия, готовности облегчить тяжесть, гнетущую вашу душу, помочь встать?

Не напрасно обращаются к Ней молитвы, не напрасно стремится сердце рассказать Ей все, что его тревожит.

В каждом московском храме имеются особо чтимые иконы Божией Матери, составляющие святыню не только данного храма, но и всех верующих москвичей.

Одна из таких святынь, именуемая «Утоли моя печали», находится в Московской Николо-Кузнецкой церкви. Как и повсюду особенно дорогие и чтимые иконы, она отличается убранством. Чьи-то заботливые руки украшают ее, и в этом убранстве обнаруживается любовь к святыне. Постоянно здесь скопляются молящиеся со своими различными просьбами и получают безмолвный ответ, понятный молящемуся сердцу.

Всенощным бдением встречает Православная Церковь всякий праздник.

Канун праздника в честь названной иконы, 6 февраля нового стиля.

В зимние сумерки, в шестом часу вечера, непрестанно двигаются человеческие фигуры по направлению к храму. Обычное огромное стечение богомольцев.

В еще полуосвещенном храме, в мягком полусвете лампад — обаяние молитвы и святой благодати; от дверей храма к алтарю проложена дорожка из зеленых еловых ветвей.

В зелени, украшающей царские врата, вспыхивают ярким светом огни электрических лампочек. Льется и проникает в самую глубь сердца мотив тропаря праздника: «Утоли болезни многовоздыхающие души моя, утолившая всяку слезу от лица земли»... Этими словами начинается всенощная, под этот напев входит Высокопреосвященнейший Николай, Митрополит Крутицкий, приехавший совершать праздничную всенощную. С чувством искренней радости встречают прихожане и бо-

гомолицы святителя, хорошо известного москвичам своею сердечностью, лаской и приветом.

Оглянешься назад — море человеческих голов. Все взоры обращены к алтарю.

Колышется толпа: по храму с каждейем проходит настоятель и архиидиакон, и льется дивное пение хора: «Господи Боже мой, возвеличился еси зело. Слава Ти, Господи, Сотворившему вся!..» — пение, всегда вызывающее представление о безбрежном море, о ласке горячего солнца, о бескрайнем голубом небе, о шуме зеленого леса, о поэзии звездной ночи...

Торжественно совершается лития и благословение хлебов. Духовенство проходит в алтарь. Закрываются царские двери.

Покаянно звучит шестопсалмие: здесь и тоска о Боге, и жажда найти Его вновь.

И вот опять радостные молитвы. Много раз слышим мы тропарь праздника, затем чтение евангелия. Помазание елеем совершается перед чтимым образом.

Пропели величание Матери Божией и Великое славословие, а богомольцы все текут к Святому образу.

Закончено помазание елеем, владыка проходит на амвон; всенощная подходит к концу, вот уже читают молитву: «Иже на всякое время и на всякий час на небеси и на земли покланяемый и славимый Христе Боже!», но никто не сдвинулся с места. От алтаря и до самых дверей все такая же непроницаемая стена из людей. Они словно чего-то еще ожидают. И владыка знает, чего ждут от него богомольцы, и не уйдет, не произнеся проповеди.

С каким жадным вниманием слушается всегда слово Божие. Как ни тесно в храме, но еще теснее продвинулись богомольцы вперед. Абсолютная тишина. Такая напряженность и боязнь проронить хотя бы единое слово. А как говорит Митрополит Николай! Под влиянием его вдохновения и искренности у многих вырываются глубокие вздохи, потому что его слова волнуют и трогают душу. Он говорит о Матери Божией, о великом Ее заступничестве и ходатайстве перед Господом о нас грешных и переходит к теме о непреходящих радостях, к которым должны мы стремиться, о том, каким путем надо идти, чтобы достичь этих радостей.

После того, как Митрополит Николай заканчивает проповедь, еще несколько слов говорит о. Александр, настоятель храма. Он сообщает прихожанам радостную весть о том, что скоро в этом храме будет колокольный звон, быть может, даже завтра, если в ночь удастся закончить работы на колокольне по поднятию и укреплению колокола. Священник приглашает каждого помолиться об этом еще у себя дома.

Владыка благословляет народ, а в это время под руководством отца настоятеля весь народ поет заповеди блаженства и величание Матери Божией. Как не хочется прерывать молитвы...

Сердечно и тепло звучат напевы, а за стеклами, в полной уже темноте зимней ночи, загадочно и маняще отражаются лампы, освещающие храм.

Завтра день прославления дорогой святыни, и опять мы услышим молитвы и увидим благолепие Божьего храма...

***

За несколько дней до наступления праздника прихожане знали, что Литургию в этот день будет совершать Святейший Патриарх Алексей. Задолго до начала службы собрались молящиеся. Бесперывно возжи-

гаются свечи пред образом Богоматери. Все прибывает и прибывает народ: заполнены все уголки, стоят даже там, где, кажется, вовсе уже невозможно стоять. С большим трудом удерживают проход, оставленный для встречи Патриарха.

С половины десятого слышится мелодичный перезвон внутри храма.

Как много радости уже в одних этих волнующих ожиданиях церковных Богослужений, отражающих неземную нетленную красоту...

Порывистый учащенный звук внутреннего церковного колокола и торжественное пение хора возвещают о прибытии Первосвященителя.

Удивительно благоговейно звучит молитва: «Достойно есть, яко истину блажити Тя, Богородицу». Вы как-то сразу чувствуете себя в сфере молитвы.

Святейшему сослужат епископы.

В начале Литургии совершается хиротония иеромонаха Софонрия во епископа Ульяновского. Это не является обычным для приходских храмов и потому хиротония придает особую пышность и торжественность сегодняшнему Богослужению.

Продолжается Божественная Литургия. Какие святые чувства проходят через сердце! Кажется, весь многогранный внутренний мир ощущений находит здесь свое отображение. Сверкающий алтарь и ризы духовенства, и неожиданно заглянувший луч зимнего солнца — все сливается в единый блеск и торжество, в котором прославляется имя Божие, и трепетно чувствует сердце небесный, непреходящий и незаходимый свет и тепло, радость и счастье!

Провозглашается многая лета Вселенским Патриархам и дорогому для русского верующего человека Патриарху Московскому и всея Руси Алексию.

Велика радость общения молитвы с другими Православными Церквями. Дорого нам молиться вместе с Первосвященителем родной Русской Церкви, потому что дорога Церковь и дороги те, кто ее возглавляет и трудится ради нее.

Нескончаемо глубоко переживания в храме Божиим.

Поют «Херувимскую»... «Всякое ныне житейское отложим попечение» доходит до слуха, и неземное чувство, которому не подобрать слов, нисходит на душу. Когда стоишь в толпе молящихся, нетрудно заметить, как это чувство волнует их, как, несмотря на самую крайнюю тесноту, многие становятся на колени.

Святейший в царских вратах встречает Святые Дары; через северные двери на амвон проходит сонм духовенства.

Символ Веры поет весь народ, горячо исповедуя свою веру и чаяние перед Господом.

Вслед за пением хора повторяют сердца: «Тебе поем, Тебе благодарим, Тебе благодарим и молимся, Боже наш!» И хочется горячо, горячо со слезами благодарить Создателя за все, что Он дает нам. За то, что Он не оставляет нашу Церковь, что Он посылает нам добрых пастырей, что в церковную ограду влились многие отпавшие от Церкви, что Церковь наша процветает; за то, что раздается на земле евангельское слово, за то, что нашего слуха касается церковное песнопение. И хочется молиться, чтобы наши сердца никогда не переставали трепетать при звуках их, чтобы мы не разучились плакать слезами покаяния и благодарности, чтобы не утратили способности молиться и любить то, что более всего достойно любви и поклонения. Поистине неизреченно милосердие Божие, что, невзирая на наше недостойство, ниспосылает Он нам великие милости.

Не забыта нами радость возрождения Церкви. 4 февраля с. г. ис-

полнился год с того дня, как Господь возглавил нашу Церковь Патриархом, и за этот год Церковь много приобрела и много произошло в жизнь Церкви исторически ценного.

Сегодняшнее торжественное Богослужение напоминает тот день, когда в Патриаршем соборе происходили незабываемые торжества в присутствии высоких гостей, когда толпы людей стояли вокруг собора, в волнении ожидая появления Патриарха, и как потом за вечерней службой в тот же день горячо молились верующие в первый день патриаршества Святейшего Алексия о том, чтобы Господь укрепил и помог ему в его высоком подвиге.

Не подлежит сомнению, что те события отозвались в сердцах верующих высоким религиозным подъемом и оставили неизгладимо светлое впечатление. Не нужно было обладать особой наблюдательностью, чтобы заметить, какую радостью является для верующих это церковно-историческое событие. В дни, предшествующие интронизации, люди беспрерывно толпились в соборе и часто можно было видеть взволнованные лица со слезами на глазах.

И тогда как бы продолжением этого праздника было торжественное Патриаршее Богослужение в этом храме, как и сегодня, в день праздника в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали». И в этот день невольно вспоминаются и те благословенные дни, воспоминания о которых бесконечно дороги и близки сердцу.

К дорогим воспоминаниям хочется возвращаться без конца! Они согревают душу, они дают силы, они озаряют нашу жизнь тихим приветным огоньком.

Литургия подходит к концу. Торжественный молебен и провозглашение многолетия... За молебном, когда поют «многая лета» вдруг в храм врываются снаружи звуки колокола, — это первые удары только что укрепленного на колокольне колокола; сначала он звучит глухо, как бы очень издалека...

По окончании молебна Святейший Патриарх Алексий, вручая посох новоихиротонисанному епископу Софронию, говорит о служении и ответственности архипастыря, о помощи небесной в его подвиге, о труде, который берет на себя пастырь.

Сочувственно слушают присутствующие Главу Православной Русской Церкви.

Все это не чуждо верующему человеку. Пастырь, конечно, чувствует, что он дорог пастве, что для последней не остаются незамеченными, бесплодными, неценненными его труды.

В то время, когда говорит Святейший, слышнее и слышнее гудит большой колокол, вздрагивают богомольцы, глаза многих блестят слезами. Колокол звучит, как голос самого неба, как возвращенная милость Божия! Под колокольный звон отъезжает Святейший. На кафедре остается епископ Софроний; он благословляет народ, теснящийся вокруг него.

Во дворе и переулке толпятся люди, их притягивает звук колокола. Они поднимают головы кверху, взглядывая на колокольню.

Порошит снежок...

Дорогие контуры храма оживлены колокольным звоном... Хотелось обнять храм, приникнуть к стенам, целовать его камни...

Колокол гудит и возносит молитвы, он будит святые чувства, он говорит о небе, о Боге, о вечности...

Н. ВАСИЛЬЕВА

речи, проповеди

ДЕТИ И БРАТЬЯ

Слово, произнесенное в Воскресенской церкви,
что на Арбате в г. Москве, в день св. Нины

«Все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса.

Нет уже ни иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского, ибо все вы одно во Христе Иисусе»
(Гал. 3, 26, 28).

Сегодня мне захотелось привести вам на память эти замечательные слова великого апостола. Почему они сегодня на моих устах? Сейчас вам будет понятно.

Два дня тому назад мы праздновали память св. мученицы Татьяны. Кратко напоминая вам ее житие, я скажу, что она была дочерью богато-го и знатного римлянина. С детства она была воспитана в христианстве. Став совершеннолетней, она отказалась от супружеской жизни и за добрую христианскую жизнь была назначена диакониссой римской церкви. В этой должности она помогала священникам в их заботах о прихожанах: навещала больных и заключенных, помогала нищим. Когда в первой половине III века открылось очередное гонение на христиан, она вместе со своим отцом после пыток была умерщвлена. Святая Церковь почтила ее наименованием мученицы.

Сегодня память другой святой женщины — Нины, просветительницы Грузии. Нина была родом из Иерусалима и с детских лет мечтала потрудиться над распространением христианской веры в тех странах, где ее еще не было. Когда отец ее ушел в пустыню, а мать поступила диакониссой, ее желание сбылось: она направилась в языческую Иверию (так называлась Грузия). Здесь проповедью о Христе и примером своей добродетельной жизни она покорила сердца людей и привела грузинского царя Мириана к ногам Христа. Мириан выписал из Царьграда епископа и священников, крестился сам и крестил своих людей. По указанию Нины, он соорудил в своей столице первый христианский храм. Это было в IV веке. Вот насколько древнее христианство в Грузии по сравнению с нашей страной: там с IV века, а у нас с X века. Из Грузии Нина пошла в ближайшую к Иверии страну — Кахетию и привела к крещению кахетинскую царицу Софию. Церковь назвала св. Нину равноапостольной за ее подвиг распространения христианства.

И вот хотя бы эти два примера — мученический подвиг св. Татьяны и апостольский труд св. Нины — разве не являются воплощением приведенных нами слов св. апостола Павла: «нет мужского пола, ни женского, но все мы одно во Христе Иисусе»?

И в мужчину и в женщину Господь вложил одинаковую бессмертную душу. Спаситель пострадал на кресте за спасение и мужского пола и женского. И мужей и жен Он наделил одними и теми же правами в отношении вечной жизни. И тех и других Он в одинаковой мере призвал к наследованию вечного блаженства. И мужчин и женщин за подвиги святости, за труды во славу Своего Имени, Он награждает венцами вечной славы.

Среди святых нашей Церкви мы знаем имена великих и славных мучеников: Пантелеймона, Федора Тирона, Дмитрия Солунского и других, подвиги и страдальческая кончина которых так близки верующему православному сердцу. И в сонме мучеников мы видим овеянных такою же славою и женщин, пострадавших за Христа: Татьяну, Екатерину, Варвару и многих других.

Православные сердца преклоняются перед подвигами св. апостолов, которых Господь Иисус Христос призвал к распространению веры и устроению Церкви Своей на земле. Но к этому подвигу призвал Господь и женщину. Сейчас мы вспоминали имя равноапостольной Нины. Всем нам ведомы и другие имена святых женщин, которые разделяют вечную славу апостолов. Еще прежде крещения нашей Руси при Владимире Святom, его бабка св. Ольга за 30 лет до крещения своего внука приняла христианство и устроила православный храм в Киеве. За то, что она первой зажгла свет веры на нашей земле среди мрака язычества, озлобленно настроенного против христианства, Церковь и ее назвала равноапостольной. Чехия знает свою святую Людмилу, насадившую христианство в этой стране, Франция — святую Геновефу (по французскому произношению Женевьеву), и каждая из остальных христианских стран имеет своими покровительницами тех святых женщин, которые потрудились в насаждении и укреплении веры.

В сонме святых мы почитаем великих носителей подвигов поста, молитвы, изнурения плоти, служения людям — Макария Великого, Антония Великого, Феодосия Великого, в нашей стране — преподобного Сергия Радонежского, Серафима Саровского. И к этому подвигу в равной мере причастна женщина. Наряду с именами преподобных отцов, мы ублажаем множество и преподобных матерей: Меланию Римляныню, Пелагию, Таисию, а на нашей русской земле — преподобную Анну, Евфросинию Полоцкую, Евфросинию Суздальскую и других.

Одним из тяжелых подвигов во имя Христа считается юродство, когда человек добровольно отрекается не только от всех своих земных благ, от своей семьи, но и от самого себя, надевая на себя личину ненормального. Этот подвиг берут на себя не только для того, чтобы самоуничтожением смирить себя самого, но и чтобы послужить в состоянии юродства спасению других, проповедуя среди людей веру и безбоязненно говоря в лицо людям правду. Кому из нас не дороги имена святых Василия Блаженного, Прокопия Великоустюжского, Николая Новгородского — юродивых ради Христа? И этот подвиг брала на свои плечи женщина.

Все русские православные люди знают имя блаженной Ксении, останки которой почивают в Ленинграде на Смоленском кладбище. Она подвизалась на улицах Петербурга в середине прошлого столетия, и слава об ее жизни и подвигах распространилась по всей нашей стране и привлекла к себе наши сердца. Ей молятся как святой, и известны бесчисленные случаи ее невидимой помощи людям.

Перед лицом Господа Бога нет ни мужского пола, ни женского, ибо все мы «одно во Христе Иисусе».

После многих веков язычества на земле, когда женщина не имела

никаких прав в общественной и государственной жизни, когда она была унижена до того, что ее не признавали за человека, когда в семейной жизни ее почти приравнивали к домашнему скоту, — в христианстве женщина поднята Основателем его на небывалую высоту. А в лице Божией Матери, перед Которой преклоняются и будут преклоняться миллионы человеческих сердец, женщина возвеличена над всем миром видимым и невидимым.

Вот одно из величайших проявлений силы христианства, которое разрушило старый обветшавший мир и построило новую жизнь на земле на началах, принесенных в этот мир нашим Спасителем.

В христианстве все люди равны перед Богом и совершенное равенство среди людей и возможно только в христианстве. Разве не так?

Во внешней, земной нашей жизни мы, например, неизбежно считаемся с возрастом человека. Есть возраст совершеннолетия: с этого момента человек получает гражданские права; до наступления совершеннолетия он их не имеет. Есть возраст, которым определяется нетрудоспособность человека: достигнув этого возраста, человек уже не привлекается принудительно к работе, а в некоторых отраслях труда и не имеет права работать. А перед лицом Бога и вечной жизни все мы равны независимо от возраста. Каждый из людей имеет одинаковые права на вечную жизнь и наследование вечного блаженства: и только что родившийся младенец, принявший святое крещение, и утружденный годами старец.

Уходя из этой жизни, и младенец и старец вступают в ту жизнь, в которой оба в одинаковой мере будут участниками тех благ и тех радостей, какие обещаны Господом Его верным детям. Среди святых много и столетних старцев: преп. Антоний Великий, преп. Евфимий Великий, дожившие до такого возраста. Не мало и святых детей: праведный Артемий Веркольский, младенец Иоанн, или вот эти трое деток: Вера, Надежда и девятилетняя Любовь, которые предпочли переносить на глазах своей матери самые жестокие пытки, но не отреклись от Того, Кого полюбили своим детским чистым сердцем. И святые старцы, и святые дети увенчаны одинаковой бессмертной славой.

В жизни земной мы видим и мудрецов, мужей науки, и простецов, не знающих и грамоты; людей богатых и зажиточных, не нуждающихся в необходимом для существования, и нищих, разоренных какими-нибудь стихийными событиями (сколько таких разоренных сейчас, после войны!). Они не равны по своему земному положению. Но они равны перед Богом, так как все мы — «одно во Христе Иисусе».

В семью святых вошли и знаменитые своей многосторонней ученостью Василий Великий, Григорий Богослов и такие простецы, или не наученные вовсе или едва наученные грамоте, как Симеон Верхотурский, Павел Препростый и другие. В семье святых мы прославляем и равноапостольного царя Константина, и великого князя Владимира, и землепашца Филарета, и рядового воина Меркурия; и таких богатых людей, как преподобную Меланию, обладавшую обширными поместьями во всех странах тогдашнего мира, и ничего не имевших в жизни, какими было, например, большинство печерских подвижников. Вечная слава их одинакова, потому что перед Богом все равны. Все мы — друг другу братья во Христе. Все мы дети одной великой Божией семьи, дети одного Небесного Отца.

Св. Иоанн Златоуст говорит, что наш православный храм является символом такой братской семьи детей Небесного Отца. Он говорит: «Храм это единственное место на земле, где никто не спросит нищего, почему ты пришел сюда, зачем ты встал впереди меня». Как в храме

мы все стоим перед лицом Бога равными перед Ним братьями, одинаково близкими Ему детьми, так в вечной жизни мы все пред Ним равны, и каждый из нас получит от своего Небесного Отца то, чего заслужит своей земной жизнью, независимо ни от талантов, ни от ума, ни от богатства и каких-либо других внешних земных благ и отличий.

Значит, какой величайший смысл имеют слова апостола Павла: «во Христе нет иудея, нет язычника, ни раба, ни свободного, ни мужеского пола, ни женского»! И пусть каждый из нас всею силою своего духа осознает ни с чем несравнимое счастье принадлежать к такой Божией семье, в которой каждый из нас имеет в лице Господа своего Небесного Отца. Для того, чтобы принадлежать к этой великой семье, нужно только одно, о чем говорит тот же апостол Павел: нас должны соединить друг с другом в одну семью — «один Господь, одна вера, одно крещение» (Еф. 4, 5). Через купель крещения все мы входим в ограду Святой Церкви и становимся членами этой семьи.

Иметь право на вечную жизнь, на вечную славу и вечные радости — это источник величайшего утешения для сердца каждого из нас.

Но пусть никто из нас не забывает, что, давая нам такие святыя права, Господь возлагает на нас и великие обязанности. Мы должны до конца своих дней оставаться верными и послушными детьми своего Небесного Отца. Только одно может лишить нас этих прав на вечные радости, это — наша греховая и нераскаянная жизнь.

О, пусть каждый из нас напоминает своему сердцу о том, что нет ничего страшнее в этом мире, как погубить для вечности свою душу, как своею порочною жизнью закрыть навсегда двери в Царствие Небесное!

О, пусть каждый из нас внушит своему сердцу со страхом и трепетом вспоминать о том неизбежном последнем Божием Суде, когда мы предстанем пред Праведным Судьей трепещущие, с обнаженными нашими пороками и грехами, явными и тайными, какие мы здесь так тщательно скрываем от людей, и перед лицом своих близких и знакомых будем ожидать последнего и праведного приговора!

О, пусть наше сердце, пока еще не поздно ни для кого из нас, научится оплакивать свои грехопадения спасительными слезами покаяния, вспоминая о том, что каждый из нас когда-то не умел ни лгать, ни таить зла против другого, не носил в себе даже нечистой мысли, а теперь мы стали грязными, исказили в себе своими грехами образ Божий, напечатленный в бессмертной душе каждого из нас, и часто живем даже не замечая этого за собой!

Будем дорожить святым званием «сынов Божиих», как драгоценным даром, какой все мы имеем от нашего Небесного Отца. Никогда не забудем и того, что на путях своих к Царствию Небесному мы не одиноки. Перед нами сияют примером своей жизни св. Татьяна, св. Нина и бесчисленные сонмы тех святых людей, которые, показывая нам своими подвигами путь к вечной жизни, своими молитвами охраняют нас и укрепляют на этом пути.

МИТРОПОЛИТ НИКОЛАИ

Стати

НАРОДЫ-БРАТЬЯ

О черк

Три великих реки обширной Восточной Европы, три огромных полноводных бассейна Волги, Днепра и Дуная питали и питают крупнейшее из племен человечества — великое славянское племя.

Суровая история в своем могучем движении не раз пыталась разбить и разъединить на мелкие кусочки эту семью; огнем и мечом свирепых налетчиков-оккупантов с давних времен она пыталась и пытается раздробить славянское племя так, чтобы каждая оторванная от него частица забыла и утратила родственную связь, свой отечественный язык, свою веру, чтоб раздробленный на частицы народ был чуждым самому себе в этих отдельных частицах, враждебным друг другу и с утратой родственного объединения стал бы бессильным и неспособным сопротивляться завоевателю-хищнику.

Но высокая Правда, которой создана и поддерживается гармония вселенной, не допускает, не дает возможности дезорганизующим жизнь хаотическим силам одержать верх. Она допускает их как наказание, как испытание, ради побуждения человека к собственной инициативе в борьбе со злом. Человек не должен предоставить данную ему Богом свободную волю, свой разум — частицу разума Божия, в бесконтрольное распоряжение злу. Хаос, как зло, да подчинится Правде, которую носит в себе, в своем разуме, сердце и воле созданный по образу Божию человек.

Мамай, Чингиз-хан, Наполеон, Гитлер... Рыцари-псы, старые и новые слуги хаоса, исчадие темного ада, пытались погасить солнце Правды славянской земли. Навстречу им с Волги, Днепра и Дуная поднимались светлые рати поборников свободы и справедливости, ни на минуту не забывающие веру своей великой семьи, своего единого племени, начертанную в сердце каждого славянина миссию защищать Правду ото всех и для всех. Любовь к Правде, справедливости, в сердце, в разуме каждого славянина; она влилась в него живительным соком из вертограда Христа, вошла в его существо, стала его природой, и, переходя в животворном обилии через край, дарит себя всем, кто окружает славян и кто далеки от них по земле, но близки по вере, по чувству, по добрым намерениям бороться за ту же Правду, неделимую и единую, как для эллина, так и для иудея, в коих всяческая и во всем Христос.

В язык отдельных ячеек славянской семьи вносились со временем новые как будто слова. Но это только казалось на-слух: корни языка крепко сидели в самой ячейке.

А вера? Она была особенно крепка в сердце славянина. Правило

веры и образ кротости, таящий могучую силу братства и готовность умереть за Правду, — вот что не умирало и не умрет. Вот что не глохло и не тускло.

Мудрые братья Кирилл и Мефодий закрепили своей азбукой древний славянский язык, сделав его междуславянским.

Не только вера, но сама жизнь по вере, по идее задач, возложенных Правдой на великую славянскую семью и на каждого славянина в отдельности, стала основой быта и великороса, и украинца, и белоруса, и славянина Балкан.

Вот почему через тысячу лет разобщенные вражеской силой братья-славяне по каждому поводу, затрагивающему интересы каждого члена славянства, протягивают обиженному руку помощи, спешат поддерживать друг друга, не считаясь ни с какими жертвами и с радостью отдавая за дело Правды и кровь, и жизнь.

Подвиги русского народа в 1877—1878 гг. записаны золотыми буквами в истории славянства.

Югославия и Болгария по сей день с братской признательностью вспоминают эти незабвенные годы.

Автору этих строк памятни и сейчас представляются, как живые, некоторые эпизоды тех дней.

Как бурно в семье сельского священника обсуждалось заявленное со всей юной страстностью славянина намерение старшего брата бросить последний класс реального училища, которое он оканчивал первым учеником, чтобы вступить в армию освободителей на Балканах.

Старшим хотелось, чтобы брат сначала окончил училище, но в то же время сообщения газет о зверствах башибузуков и у отца и у матери вызывали сочувствие к сыну.

В семье было решено, как хотел брат. Но в Калуге его директор отговорил. Оставалось два месяца до экзамена.

После экзамена, даже не заехав домой проститься, брат уехал в Болгарию добровольцем.

Помню, как в свете летнего солнца, в его косых лучах, особенно радостно блестела позолота иконостаса. Восторженно лились песнопения благодарственного молебна о победе. А с улицы раздавалась лихая песня марширующих братьев болгар и сербов:

Сын Иванович Дунай,

Потерпи, не унывай!

За тобой мы, за Дунаем,

Этих турок доканаем.

Позже к нам во двор заходили беженцы, больше беженки, из разоренных турками деревень. Вспоминается сокрушенная фигура старушки-тети. Она только подоила корову, да так и застыла с ведеркой в руках.

Перед ней стояла не наша, не русская женщина. Черноволосая, как цыганка, а сзади, на спине, в пестрой шали барахтался черномазый ребенок.

Женщина, выразительно жестикулируя, что-то громко рассказывала. Слова не наши, не русские, а тетя ее понимала. Она сочувственно покачивала головой, приговаривая: «Какое горе, и детей не щадят». Подчас у женщины в ее речи вырывались русские слова: «Живно — Живно... русски... брата. Ой-ой-ой».

«Сербиянка», сказала мне тетя, угадав мое любопытство. Она взяла женщину за руку и повела домой. Усадила ее в кухне за стол. Ребенка бережно положила на кровать, в руки ему дала маленькую ба-

ранку, перед женщиной поставила тарелку дымящихся щей. Женщина закрестилась «по-русски». И странная радость зашевелилась во мне. Словно новую сестру я нашел.

Вошла мать. «Ребенка ее, чуть постарше, — указала тетя, на гостью, — башибузуки головкой об стену. О каменную стену... за ножки»...

«А как ты поняла-то ее?» удивилась мать, глядя на бормотавшую женщину.

«Господи! — воскликнула тетя, — да уж в горе-то как не понять... А и слова-то у нее есть совсем наши».

Отца не было дома. Он очень жалел после, что не застал «сербянки».

Я тогда вспомнил старшего брата и с радостной гордостью подумал, что он борется за славян.

Не говоря о народах-христианах, другие народы — евреи, магометане — все наши друзья и братья друг другу. Нашу Родину — Русь они считают своей и за нее умереть готовы. Их кровную Родину мы считаем также своей, и за ее свободу и процветание готовы отдать свою жизнь.

Под светлым солнцем Правды нашего великого Союза и зарубежных братья-славяне и те, кто соболезнает им, находят животворную теплоту и радость — веру в светлое будущее и надежду на его долгожданный приход.

Д. И. СВЕТОЗАРОВ

НЕЗАБВЕННЫЙ ПОБОРНИК ПРАВОСЛАВИЯ В БЕЛОРУССИИ

(Памяти Архиепископа Георгия Конисского)

У абсолютного большинства виднейших деятелей Церкви одаренность в деле христианско-просветительной деятельности проявляется очень рано, а глубокохристианская настроенность аскетического склада, обычно наследственная, с ранних детских лет.

Но у выходцев из семейств родовитых, ряд поколений которых жил в спокойных и внешне комфортабельных условиях, такая настроенность зачастую приходит с годами, приходит с жизненным опытом, с жизненными переживаниями, опираясь на большие положительные знания.

Так было и у святителя Георгия.

Родился он в г. Нежине в семье черниговских дворян Конисских 20 ноября 1717 г. Фамилия Конисских родоначальниками своими имела видных представителей украинского казачества, немало потрудившихся над сближением, а затем и воссоединением Украины с братской и единой Россией.

В 1728 г. Григорий (мирское имя Конисского) поступает в Киевскую академию — знаменитый рассадник знаний... многих сотен просвещеннейших деятелей Церкви, богословской и светской науки и культуры, государственных мужей XVII—XVIII веков. Там одаренный юноша проявил блестящие способности, особенно в области философии и пиитики. Эти знания опирались на капитальную базу изученных им в совершенстве языков: греческого, еврейского, латинского, немецкого и польского. Он не стремился к формальному окончанию курса академии, к выходу из нее прежде чем не почерпнет всего того, что ему могли дать академические преподаватели. Поэтому его пребывание в академии затянулось до 1744 г., в каковом он был пострижен в монашество с наречением ему имени Георгия.

С 1745 г. начинается профессорская деятельность Георгия по кафедре философии в родной академии. Деятельность Георгия в качестве профессора, префекта и ректора — одна из золотых страниц в славной истории Киевской академии. Современники согласно говорят о поразительно широкой для их времени эрудиции молодого иеромонаха (позже — архимандрита) во всем круге учебных дисциплин академии, его неукротимой энергии, усидчивости и ораторском искусстве. В его преподавании не было столь обычной для того времени схоластичности, в административной деятельности — элементов черствого нажима. Учебно-педагогическая деятельность Георгия, на которой мы не имеем возможности остановиться, — ценный вклад в украинскую культуру в ее целом. Исключительные качества ученого архимандрита стали хорошо известны в столице, и в августе 1755 г. Святейший Синод

назначает Георгия на овдовевшую после смерти епископа Иеронима (Волчанского) архиерейскую Могилевскую (Белорусскую) кафедру. Эта кафедра была действительно боевым форпостом православия в белорусских владениях католической Речи Посполитой (Польши).

В самом деле, положение дел на территории, духовно окормляемой Белорусской кафедрой, было исключительно сложным, а условия деятельности православного архипастыря невыразимо трудными.

Восточные окраины Речи Посполитой, населенные почти исключительно белорусами, рассматривались папством, как один из важнейших территориальных трамплинов для своей и религиозной и политической агрессии на Востоке. Известно, что в основе агрессивности Ватикана всегда лежали политические побуждения, лишь заключенные в церковно-католическую оболочку. Польша XVII—XVIII веков была надежным оплотом Ватикана.

Стержневой линией папства в Белоруссии была денационализация белорусской народности; идеологическим выражением денационализации было окатоличение белорусов, переходной ступенью к окатоличению являлась церковная уния. Сказкой для детей младшего возраста были разговоры о том, что уния якобы преследует благую цель канонического, благодатного вселенского объединения христиан во имя чистой веры во Христа.

Как известно, уния с Римом, провозглашенная на Брестском «соборе» 1596 г. при содействии нескольких ренегатов — украинских и белорусских епископов, тесно связанных с католическими магнатами, вызвала сильное негодование среди подавляющего большинства православного населения Речи Посполитой.

Если в тактических целях католики соглашались сначала на сохранение в униатских церквях почти полностью православного уклада, догматики и обрядности, то уже в XVII веке они переходят к решительному натиску «по всему фронту», конечно, не брезгая никакими средствами и методами. А в начале XVIII века производятся «латинские» вставки в богослужебные униатские книги, из святцев исключается ряд имен прославленных православных святых, зато вклеивается, например, служба в память справедливо ненавистного для православных (да и не только православных) Игнатия Лойолы — кондотьера, основателя ордена иезуитов и т. д. Если раньше паписты ограничивались требованиями признания главенства папы, то в описываемый период они требуют от униатов признание чистилища, крещения через обливание, исхождения Св. Духа «и от Сына»...

Историческая объективность обязывает нас категорически засвидетельствовать, что весьма значительная часть белорусского по национальности дворянства не только пошла в унию, но через нее легко, быстро и довольно прочно окатоличилась, чему, безусловно, способствовало предоставление таким ренегатам многочисленных правовых и материальных благ. Образование было преимущественно в руках иезуитов. Невозможно отрицать, что эти последние великолепно владели очень сильными методами громадного эмоционального воздействия на чувства и нервы учащихся. Неудивительно, что русские и белорусы нередко выходили из этих школ рьяными католиками. Скажем больше: к середине XVIII века в православии в Белоруссии оставались почти исключительно крестьяне, придавленные крепостным помещичьим гнетом, да низовая часть городского мещанства.

Папизм и его польская агентура стремились вообще свести православие в Белоруссии на-нет, а унию завершить полным окатоличением. Уже в 1717 г. в сейм вносится циничнейший проект, в котором

довольно прозрачно выставляются требования: православных и даже умеренных униатов лишить права занимать должности на государственной службе, лишить их права на образование и даже на элементарную грамотность, парализовать для них возможность заниматься в городах торговлей и ремеслами (с этой последней целью проект идет даже на предоставление льгот евреям и караимам), изнурить их особо большими поборами за приобретение книг Св. Писания и творений святых Отцов, назначать униатскими епископами только таких лиц, которые имеют фамильные связи с видными католиками; «попов» и епископов подчинить ревизионной юрисдикции католических прелатов; «поповских» сыновей не допускать ни в какие учебные заведения, а потом их, как не получивших образования, обращать в крестьянство (т. е. в крепостное состояние). Сейм по соображениям внешнеполитического характера официально не принял этого проекта, но имеется большое количество доказательств того, что все изложенное в этом чело-веконенавистническом документе на практике реализовалось полностью. Практика была даже еще более суровой.

Трудно перечислить те мучения, которые переживали труженики белорусы, стойкие в вере своих отцов и предков; неудобно печатно перечислять те издевательские клички и эпитеты, которыми католическое панство награждало православных: «хлопская вера», «собачья вера» — это были наиболее «культурные» эпитеты.

Католические проповедники, иезуиты, базилианцы, «босые кармелиты» наводняли белорусские села и города и не всегда словом проповеди, а чаще — посулами, шантажом и угрозами старались увеличить свою паству. Местная администрация всеми мерами «обеспечивала явку» на «проповеди» крестьян и мещан. Закрывая православные храмы, администрация зорко следила, чтобы православные исповедывались у ксендзов или обращались в унию.

Ряд источников, в том числе и польско-католические архивные документы, неопровержимо свидетельствует о мерах понуждения православных клириков к принятию унии и к присоединению к ней своих прихожан. Скромным священникам выламывали пальцы, подвизывали их к столбам, гноили и морили голодом в сырых подземельях замков, травили свирепыми псами. Оставшимся в живых после таких пыток предоставляли некоторое время «на размышление», а если батюшка оставался непреклонным, повторяли такое же «увещевание». В лучшем случае такого страстотерпца выгоняли из его халупы, а делом чести администрации и помещиков было проследить, чтобы никто не смел дать убежище или ночлег изгнаннику и его семейству.

Православные монастыри (число которых, конечно, уменьшалось) подвергались совершенно безнаказанным разбойничьим набегам панских и епископских банд (отмечены три случая, когда католические епископы лично возглавляли набеги), разграблялись и нередко сжигались, а монахи, если не изрубались саблями, то зверски избивались.

Многие католики-помещики отбирали у крестьян здания приходских храмов со всей утварью, иконами и священными сосудами и, чтобы больше ущемить чувство верующих, передавали все это в аренду иноверцам (лютеранам, иудеям и др.), а те форменно грабили бедных прихожан субарендной разовой платой.

Подвергались всяческому преследованиям и рядовые миряне. Католицизм видел в православии белорусов политическую угрозу — симпатию и тяготение к великому соседу — братскому русскому народу.

Тот факт, что при описанных выше кошмарных условиях все же сохранились православные приходы (правда, всего 128 на всю обшир-

ную Белорусскую епархию), говорит о великой духовной стойкости православных многострадальных белорусов.

Такую епархию в таких условиях принял новохиротонисанный епископ Георгий.

Католики хотели воспользоваться смертью его предшественника епископа Иеронима. Немедленно после получения в Риме экстренного донесения полоцкого униатского епископа Ватикан начал энергичную переписку с польским канцлером графом Малаховским о передаче могилевской епархиальной кафедры униатам. В письмах папа откровенно мотивировал свое предложение агрессивными, антирусскими соображениями.

Однако Малаховскому не удалось помешать приезду святителя.

В первом своем сообщении. Святейшему Синоду Преосвященный Георгий писал: «Я, к Могилеву подъехавши, прежде всего катедру познал по тому безобразию между костелами римскими и школами еврейскими, добре опрятанными и снабденными, бардзо (очень.—Н. В.) отвечает и всех иноверных не только очи, но и смех на себя оборочует». «Архиерейский дом» был жалкой лачугой.

Энергичный епископ незамедлительно произвел общий объезд епархии; впечатление было отнюдь не лучшим. Приходские храмовые здания почти без исключения оказались, как писал Георгий, «сараям паче и хлевникам скотским подобны, а не храмам христианским». С составом же духовенства и его качеством дело обстояло так, что будь на месте Георгия архиерей, менее горевший боговдохновенной страстью к величайшему религиозному поборничеству, у него бы в бессилии опустились руки. Один священник в среднем обслуживал два прихода, а каждый приход в среднем охватывал 10—12 сел и деревень, большей частью разбросанных по лесным дебрям, с ужасными дорогами к ним. Священники были затравлены и до предела принижены и унижены. Многие из них были малограмотными; попадались и вовсе неграмотные ни по-польски, ни по-церковно-славянски, отправлявшие богослужения и требы по памяти, с голоса. «Некоторые, — говорится в одной из записей преосвященного, — не знали числа заповедей и числа таинств, а насколько нам нужен Христос, о том и спрашивать было нечего».

Святитель начал практическую деятельность с открытия в Могилеве школы для детей духовного звания; ему пришлось принять на себя и вести в течение нескольких лет преподавание почти всех предметов училищного курса. Как ни скудны источники об этой школе, но все же мы имеем возможность удостовериться, что программа школы, разработанная ее основателем, учитывала условия, обстановку и характер пастырской деятельности питомцев именно в Белоруссии, в плотном, неприязненном окружении католиков, иезуитов и униатов.

В скором времени ему удалось испросить десяти тысячное ассигнование Синода на благоустройство Спасского кафедрального собора, при трудовом содействии прихожан на эти же средства, добавив и все свои собственные скромные ресурсы, оборудовать епархиальную типографию, вскоре же приобрести значение важного фактора в истории белорусской культуры и распространении русской культуры в Белоруссии.

Первым же трудом типографии был выпуск «Катехизиса» Феофана Прокоповича. Георгием труд Феофана был отредактирован и значительно дополнен в соответствии с местными условиями и особенностями церковной жизни. Рассылая «Катехизис», святитель в сопроводительной грамоте преподавал духовенству конкретные указания о лучших

формах изучения «Катехизиса» и использовании его для проповеднической работы.

Мы не имеем сведений о всех случаях оскорблений, угроз и прямых покушений на жизнь святителя — о большинстве таких случаев в своих донесениях Святейшему Синоду он умалчивает. Но о многих известно из записок его современников. Так, например, в городе Орша, где он в храме Кутейнского монастыря в своей проповеди разоблачал происки иезуитов, доказавши с блеском, что «таковые миссионеры не суть посланы от Христа», католические монахи подкупили большую группу злодеев, которая устроила на святителя засаду у выхода из монастыря. По усиленной мольбе мирян и монашествующих, узнавших о готовящемся злодеянии, преосвященный архипастырь согласился выехать из города на крестьянской телеге, прикрытой сверху соломой и навозом. Дважды на него было организовано злодейское покушение в самом архиерейском доме.

В 1762 г. он был вызван в Москву для участия в коронации Екатерины II. В приветственном слове, которое ему было поручено сказать императрице после окончания церемонии коронации, он правдиво описал тяжелое положение христиан-белорусов в католической Польше и от имени нескольких миллионов действительно страждущих и угнетенных поведал, что они с великой надеждой обращают свои взоры и мольбы к великой Руси. Святитель умолял императрицу спасти единоверцев от окончательной гибели.

Действительно, русское правительство, отражая (в данном, конечно, случае) единодушное мнение всех прогрессивных кругов русского общества, декларировало свое выступление в защиту братьев-украинцев и белорусов от непомерного национального и религиозного гнета.

Но все это еще больше активизировало Ватикан и его польско-магнатскую агентуру. Правда, Екатерине II удалось провести на польский королевский престол своего ставленника Станислава Понятовского. Однако в Польше слишком вкоренилось шляхетское самовластие и король имел недостаточно возможностей осуществить те мероприятия, которые противоречили интересам шляхетских верхов.

Тем не менее святитель Георгий делал все, что мог, и даже больше того. В 1765 г. он отправился на продолжительное время в Варшаву. В своей знаменитой речи, получившей вскоре общеевропейскую известность, обращенной к королю (в присутствии членов правительства), он в чрезвычайно образной и талантливой форме выяснил, что православные подвергаются ограничениям и гонениям; грубо нарушаются неоднократно даваемые Польшей заверения другим государствам и, в частности, России. Понятовский ответил репликой, которая была Екатериной понята, как благожелательная, между тем, как она была тонко издевательской в иезуитском жанре. («Много ли у вас в России таких умных людей, как Вы?» спросил король. «Я — самый последний», с достоинством парировал святитель).

В течение нескольких лет Георгию большую часть драгоценного времени приходилось проводить в Варшаве. Панством применялись всевозможные ухищрения для саботажа предложений Екатерины II и требований Георгия о восстановлении для православных тех прав, которые поляки клятвенно обещали договором 1686 г. Георгию приходилось одному пробивать стену вражеского сопротивления.

Русское правительство в конце-концов исчерпывающе поняло всю политическую подоплеку Ватикана (стоявшего за спиной Польши) в украинско-белорусском национальном и религиозном вопросе и поручило русскому послу в Варшаве князю Репнину употребить всю свою

(незаурядную) энергию и даже уполномочило не останавливаться перед применением силы для того, чтобы добиться для православных прав торговли, ремесл, занятия казенных должностей, участия в сейме. возврата церковных зданий и части имуществ, восстановления четырех православных епархий и т. п.

Зарвавшийся католицизм устами польского шляхетского сейма 1766 г. завопил, что он де не допустит никаких послаблений против установившегося на практике отношения к не-католикам. Всякому терпению бывает предел: вскоре в Польшу прибыл более внушительный аргумент — тридцатитысячный корпус русских регулярных войск. Магнаты несколько присмирели, но Георгию пришлось еще долго проявлять громадную настойчивость. В условиях нечеловеческой перегруженности он смог выпустить в свет на польском языке ценнейший (не утративший своего значения до наших дней) капитальный труд «Права и вольности жителей греческого вероисповедания в Польше и Литве». Это была (легко себе представить, с какими трудностями подготовленная к печати) обширная документальная публикация всех актов польско-литовских королевских архивов о правах православных, актов изданных в XVI и XVII веках.

Георгий деятельнейше помогал Репнину в подготовке к выступлению на польском сейме 1767 г. Этот сейм (не без оглядки на молодежавато марширующих по Варшаве, хотя и не вмешивающихся в городскую жизнь русских воинов) постановил: возратить неправильно отобранные церкви и монастыри, разрешить православным за счет их самих поддерживать, ремонтировать и строить церкви, церковные дома, больницы, убежища для сирот и безродных стариков. По настоянию святителя Георгия, особым постановлением было разрешено открытие школ для белорусских детей, православным иереям было разрешено совершение крестных ходов, напутствие и приобщение Св. Тайн православных на дому, православные приходы выводились из ревизионной зависимости от ксендзов. Разбор конфликтов церковно-правового характера между католиками и православными должен был производиться паритетным судом, в число членов которого был включен Белорусский епископ.

Правда, католикам удалось в этом постановлении сохранить для себя важную лазейку, точнее довольно широкие ворота: католицизм был объявлен господствующей религией и переход из нее в другие вероисповедания карался гражданскими судами. Формально ни Репнин, ни Георгий протестовать против этого пункта не могли, ибо подобный, хотя и менее суровый по карательной санкции, закон действовал в России по отношению к православию.

Для умудренного опытом святителя было ясно, что католики используют эту возможность для удержания за собой униатов, ибо они всегда старались доказать «добровольность» перехода белорусов в унию. Поэтому Георгий разослал во все углы своей обширной епархии даже не увещевание, а простой сердечный призыв к возвращению в истинное православие тех белорусов, которые сами или их родители и деды были насильственно совращены в унию. Радостным благовестом прозвучал призыв преосвященного, радостной песнью пронесся он над полями, лесами и болотами нищей, забитой, ограбленной сермяжной Белоруссии. И открылось волнующее зрелище: даже в тех медвежьих захолустьях, где по уверениям папистов уже более сотни лет тому назад угасли воспоминания о настоящем православии, где, как они уверяли, население давным-давно считало себя поляками и позавывало родной язык и прадедовские народные традиции, люди объяв-

ляли себя православными, изгоняли католических монахов и упорствующих униатских «пастырей» и посылали ходоков-ходатаев в дальний Могилев к владыке Георгию за батюшкой и освящением убогого храма. Нередко в Могилев за сотни километров приходили миряне целыми деревнями во главе с униатскими священниками, умоляя о воссоединении их с Матерью-Православной Церковью.

Используя вышеприведенный закон, враги православия всеми силами административного и помещичье-феодального крепостнического нажима обрушились на отходивших от унии крестьян и горожан, как и прежде не брезгая никакими средствами. Энергичнейше борясь за свою паству на местах, проводя около трех четвертей своего времени в архипастырских объездах епархии, Георгий снова обращается в Петербург с посланием, в котором, между прочим, писал: «...Взирайте, как взирали и доселе, с благоутробием и на нашу малую ладийку, ибо и она надлежит до Вашего великого корабля. Благодарим все мы, здешние, за сделанные нам доселе вспомоществования; но впредь без того обойтись не можем, если хотите, чтобы поставленное договором не осталось на одной бумаге, а церковь здешняя по справедливости отдохнула бы после жестоких потрясений».

Отдохнуть церковь еще долго не могла. Наиболее агрессивные из числа недовольных даже весьма умеренными решениями сейма 1767 г. магнаты и шляхтичи при поддержке с Запада создали в городе Бар свой съезд (конфедерацию), где и решили с оружием в руках бороться против русского влияния на украинцев и белорусов и усилить вооруженное наступление на православие. Снова запыхали церкви и хибары священнослужителей, загуляла плеть и сабля по головам и плечам православных белорусов и сырые подвалы замков вновь приняли на мучения иереев-православных и униатов, возвращающихся к вере отцов.

Но вот пришел и незабвенный 1773 г. В слякотные осенние дни узнали измученные люди о воссоединении восточной Белоруссии с Россией. «Ныне тяжкие узы совсем расторгнуты, — писал великий христианский ратоборец Георгий и в Петербург и в своем поздравительном послании пастве — ...у нас были времена знойные... настали времена прохладные... Укротились свирепевшие! О, десница Вышнего, кто и со стороны видит, удивляется, а мы и в восторг приходим и недоумеваем, сон ли сие сладкий нам или истинное событие, веками желанное, но никогда не чаянное».

Георгий возводится в давно более чем заслуженный им сан архиепископа. Конечно, святителю стало легче. Но к его обязанностям теперь были присоединены труды в качестве члена Святейшего Синода Православной Русской Церкви, часто отвлекавшие его в столицу. Да и в епархии он вновь развернул деятельность не менее интенсивную, чем в годы пребывания паствы под национальным и церковно-католическим ярмом.

Отныне он смог по-настоящему отдаться духовному окормлению своей паствы, лечению ее столь наболевших духовных ран. Всегда предельно близкий к мирянам, хорошо изучивший их нужды, он своими очень многими высокоталантливыми и вдохновенными проповедями и посланиями откликался на каждое сколько-нибудь значительное событие в жизни паствы. Замечая недостатки и пороки, он обобщал наиболее типичные и опасные в случае их роста и обличал их в проповедях.

Любимым его детищем была духовная семинария, созданная им на базе основанной им ранее школы для детей духовного звания. С большой осмотрительностью он подбирал ученых преподавателей (состав

их действительно удалось подобрать великолепный для того времени), сам назначал им жалование (добавляя наиболее способным вознаграждение из своих личных средств), составлял программы и методические указания к преподаванию, лично вел наиболее ответственные части учебных дисциплин, отечески относился к воспитанникам, растил новых ученых.

Город Могилев украсился при нем новыми зданиями кафедрального собора, архиерейского дома, духовной семинарии и нескольких светских учебных заведений, основанию которых Высокопреосвященный владыка также всемерно содействовал.

Святитель Георгий неустанно заботился о том, чтобы уровень развития пастырей шел быстрее, чем культурный рост и духовные запросы пасомых. Теперь его требования к иереям повышались. Обладая выдающейся памятью, он знал всех священников своей епархии и буквально каждого держал в поле своего зрения. Он находил среди них лиц, способных к проповеднической деятельности, и обязывал их непременно завершать богослужения проповедями. Способными же у него оказывались чуть ли не все, ибо он был несравненным наставником. Он посылал начинающим тексты своих проповедей, вызывал их в Могилев для прослушивания, а затем постепенно, в высшей степени терпеливо, приучал иереев к самостоятельному составлению проповедей на темы, наиболее остро выдвигаемые жизнью и конкретными условиями Белоруссии вообще и данного прихода в частности. При этом он указывал и приемы составления проповедей, и источники, и методы использования источников. Обучал он и семинаристов и священников и прикладной гомилетике и дикции.

Святитель успешно искоренил проникшие в ряд приходов католические обряды и обычаи (наиболее распространенным было крещение младенцев через обливание их, а не погружение). Владыка не ограничивался простыми запретами, а в специальных посланиях подробно разъяснял происхождение того или иного обряда или предрассудка, его сущность и мотивы неприемлемости его для православия.

Суровыми обличениями искоренил святитель Георгий случаи небрежного отношения к таинству исповеди, поучая, что это именно таинство, которое должно осуществляться с благоговением, с созданием соответствующей обстановки. В специальных грамотах об этом святитель оценивает исповедь, как «важнейшую часть служения пресвитерского». Неослабно он увещевает иереев в необходимости допущения к причащению Св. Таин только достойных, т. е. приготовленных.

При огромном размахе своей разносторонней, лишь вкратце описанной, архипастырской и государственной патриотической деятельности, Георгий вел и крупную научную работу. Из многих его ученых трудов особо выделяются два. Это, во-первых, его известные «Записки» — исторический труд, в котором на основе большого фактического материала опровергается вымысел папства о том, что русские до конца XV века формально и даже фактически были униатами. Работа Георгия Конисского, не оставляя камня на камне от католической лжеаргументации, убедительно показывает, что идея соединения церквей на базе признания главенства папы и признания других католических догматов никогда в России не имела почвы, даже самой зыбкой.

Во-вторых, составленная им по поручению Святейшего Синода совместно с Парфением, епископом Смоленским, книга «О должностях пресвитеров приходских» — одно из лучших пособий по пастырской практике и церковной администрации.

Пришлось преосвященному Георгию потрудиться и против новых происков врагов православия. Видя положение унии в отошедшей к России части Белоруссии, Ватикан для укрепления в ней своей церковно-политической авантюры инспирирует (конечно, чужими руками) в 1786 г. проект под заголовком «Голоса обывателей воеводств и уездов русских». Используя тот факт, что в восточной Белоруссии помещики почти сплошь были или поляками-католиками или белорусами, но ополеченными во внешне-культурном отношении, проект декларировал, что «цель унии — постепенное сближение с католичеством» якобы уже достигнута. «Почти все дворяне с великою охотою отказались от греческого обряда и готовы к полному единению» с католичеством. Положим, что в этом «проект» был близок к истине. Но далее следовало коварное предложение: так как в унии с «греческим обрядом» остается, де, только грубое и бедное духовенство и поселяне — «крепостное быдло» помещиков-католиков или готовых к католичеству — отныне русских подданных и, принимая во внимание, что «в греческом обряде слишком много праздников и постов, снижающих производительность крепостного труда, то русское правительство в интересах своих новых подданных, лиц благородного дворянского сословия, не должно препятствовать помещикам «побудить своих крепостных людей — униатов оставить греческий обряд».

«Проект» бил в чувствительную мишень: Екатерина II, как известно, была ревностным апологетом совершенного помещичьего полновластия по отношению к крестьянству и решительной противницей государственного регулирования крепостных повинностей.

Однако преосвященному Георгию удалось не допустить принятие этого проекта и даже убедить в его неприемлемости Екатерину II во время ее проезда через Мстиславль в январе 1787 г.

Неимоверно напряженные труды надломили здоровье святителя и с 1788 г. он еле-еле мог двигаться. Задолго до смерти он составил завещание, обширное письмо своему будущему преемнику, написал даже для себя надгробную эпитафию, в которой провидел год своей кончины. Работал он почти до последнего дня и 15 февраля 1795 г. почил от своих земных дел и христианских подвигов.

Вполне можно приложить к нему слова поэта Некрасова:

Какой светильник разума угас,
Какое сердце биться перестало!

***

Огромнейшие изменения в обстановке и условиях пастырской деятельности произошли за полтора века, отделяющие нас от времени деятельности Георгия Конисского. И все же... как отчетливо переключается его деятельность с нашими днями!

Да, условия безмерно изменились. Украинский и белорусский народы отныне полностью и навсегда воссоединены под стягом Украинской и Белорусской ССР в великой братской равноправной семье народов Союза Советских Социалистических Республик. В нашем Союзе обеспечена и гарантирована полнейшая свобода религии.

Православная Русская Церковь в годы Великой Отечественной войны вместе со всем народом ковала победу над врагами всего передового и прогрессивного человечества.

Вооруженный фашизм повержен впрах, но ядовитые его микробы еще не все умерщвлены. Враги мировой демократии еще пытаются и будут пытаться отравить этими микробами здоровое тело демократии.

Известно, что Ватикан является одним из центров притяжения антидемократических сил.

Нет сомнения, что его агентура под самой разнообразной вуалировкой попытается внести отраву в униатскую, а через нее и в православную паству Западной Белоруссии, Западной Украины, Закарпатской Украины.

«Семнадцать лет боролся я с волками» — написал для своей надгробной эпитафии Георгий Конисский. Задача, священный долг духовного распознавания и духовного разоблачения современных ряженных «волков» лежит на православных и архипастырях Украины и Белоруссии. Священный их долг — научить и паству распознавать происки врагов народа и истинной Церкви Христовой.

Трудно это? Да, трудно. Но Георгию Конисскому было еще труднее.

НИКИТА ВОЛНЯНСКИЙ

БЛАГОВЕСТ

Я ждал его с понятным нетерпением,
Восторг святой в душе своей храня,
И сквозь гармонию молитвенного пенья
Он громом неба всколыхнул меня.

Издревле благовест над русскою землею
Пророка голосом о небе нам вещал;
Так солнца луч весеннею порою
К расцвету путь природе освещал.

К Тебе, о Боже, к Твоему престолу,
Где Правда, Истина светлее наших слов,
Я путь держу по Твоему глаголу,
Что слышу я сквозь звон колоколов.

Д. С.

ПЕРЕД ПРАЗДНИКОМ

Я распахнул свое окно
И жадно слушал звон призывный,
Он к детским дням меня унес.
Давно не виденный, старинный
Наш храм встал в памяти моей,
Хранитель подвигов отцов.

Он возвышался над дубами,
И главы звездные его
Сияли путникам крестами.

Идут в минувшее года,
Уж в волосах моих седина,
Но почему-то так близки
Родного прошлого картины.

Бывало с дедушкой вдвоем
Спешим к заутрене с узлами,
Прозрачный, тоненький ледок
Хрустит, ломаясь, под ногами.

Журчат апрельские ручьи,
Грачи над гнездами хлопочут,
Курлычат где-то журавли,
Сороки по дворам стрекочут.

Из выси жаворонка трель
Весны победу прославляет,
Благовестят колокола,
Россия мир благословляет.

Д. Н. ТЕРЕНТЬЕВ

КОЛОМЕНСКОЕ

(Окончание)

***

Архитектура Казанской церкви весьма типична для церковного зодчества второй половины XVII в. Это пятиглавие на довольно высоком, но нешироком кубе, крытом на 4 ската. Под кровлей между двумя карнизами — декоративные кокошники. Массивы стен вертикально расчленены лопатками. Если сам куб поднимается вверх, как двухэтажное здание, то алтарные полукружия доходят до высоты лишь первого этажа. Галлерей, идущие вокруг храма сливаются с ним на востоке и образуют приделы. И храм и галлерей зиждутся на высоком подклете. Оба придела увенчаны грушевидными главами на узких и глухих барабанах-шейках.

От северо-западного и юго-западного углов храма далеко откинулись крыльца на кувшинообразных колонках. Колокольня, воздвигнутая над северным крыльцом, является единственным строением такого типа в древнерусском зодчестве.

Чудотворная икона Казанской Божией Матери издревле очень почиталась нашим народом. Известно, что список с этой иконы находился в рядах народного ополчения, которое под водительством славных патриотов Кузмы Минина и князя Дмитрия Пожарского освободило 22 октября 1612 г. Москву от польских захватчиков. Освобождение столицы явилось началом полного очищения всего Московского государства от иноземных полчищ. В память этого замечательного события царь Михаил Федорович и повелел заложить в Коломенском храм во имя Казанской иконы Божией Матери. В 1644 г. строительство уже осуществлялось, ибо 28 августа этого года дана память казначею о пожаловании сукном и деньгами «подмастерья Обросима Максимова за то, что он был у ево государевых каменных дел у церкви Пречистые Богородицы Казанские, в государевом селе Коломенском».

В следующем, 1645 г. Михаил Федорович скончался. Церковь была достроена и освящена уже при Алексее Михайловиче, который приказал пристроить к ней еще 2 придела: левый во имя св. Аверкия Иерапольского и правый во имя св. вмч. Дмитрия Солунского. Посвящение приделов именно этим угодникам объясняется следующим обстоятельством: 22 октября 1649 г., как раз в день празднования Казанской иконы у царя родился сын Дмитрий Алексеевич. Поэтому Алексей Михайлович и решил посвятить один придел тому святому, в честь которого новорожденному дали имя, а другой — святому, память которого отмечалась Церковью в этот радостный для царской семьи день.

Год окончания постройки и освящения храма точно неизвестен. Но зафиксировано совершенно определенно, что в 1653 г. Алексей Михайлович был за Литургией в этом храме. «Июля в 25-й день слушел государь всенощную у Пречистыя Богородицы Казанския в объезде в селе Кол-м. А обедни слушел государь у Пречистыя Богородицы Казанския жь»¹.

Первоначальная Казанская церковь была дворцовой и называлась соответственно «Церковью Богородицы Казанския в Коломенском селе в Государевом дворце» (или же церковью Пресвятыя Богородицы что в Саду). Есть известия, что она соединялась с дворцом переходами и была как бы домовою. Так, в донесении за 1671 г. польских послов Яна Гнинского и Киприана Бржостовского, осматривавших дворец и храмы, можно прочесть следующее: «В начале церковь каменная с притворами по обе стороны, в которых окна; к церкви от хором переходы досками обиты... мосты войлоками постланы для тепла и мягкого хождения...»

Новшества, вводимые в царских хоромаш, доходили в той или иной степени и до церкви. Например, плохо пропускавшую свет слюду сменило хоть и не блиставшее отделкой, но все же прозрачное стекло. Старое и новое долго уживались рядом. В описи, сделанной перед сломкой дворца, читаем между прочим: «В приделе Дмитрия Селунского... В олтаре три окошка с затворами, в них окончины стекольчатые; в церкви три окошка с затворами, в них окончины слюденые. В тех окошках четыре сетки проволошные».

Торжественно чествовал Алексей Михайлович храмовый праздник 8 июля. «Праздновал великий государь Пречистой Богородице Казанской в селе Кол-ом. А служили...: Чюдова монастыря архимандрит Павел, да духовник его великого государя благовещенский протопоп Андрей Савинович, да протопоп коломенский; а пели певчие великого государя». Далее следует перечисление присутствовавших за праздничным столом.

**
*

Внутренность церкви тесновата. Небольшие, почти квадратные окна расположены на значительной высоте, но света достаточно. В храме нет электрического освещения, и в вечерние часы, когда он озаряется огнями лампад и свечей, создается особенно уютная, располагающая к молитве обстановка. Весь иконостас заполнен иконами старинного письма и как во всех древних храмах разделен на 5 ярусов. Особенно замечательны царские врата, приписываемые творчеству самого Симона Ушакова. Изображения покрывают всю площадь обеих створок почти до низу, причем Благовещение помещено иконописцем в верхнем ряду. В нижнем ярусе иконостаса выделяется старинный образ Казанской Божией Матери.

Самыми интересными в историческом отношении являются две иконы (одна у южных, другая у северных дверей алтаря). На первой изображен св. Алексей Человек Божий и преп. Мария Египетская, на второй — тот же угодник и св. мученица Наталия. Древнее письмо обеих икон и имена святых, которым тезоименитствовал царь и обе его супруги (Алексей Михайлович был женат дважды — на Марии Ильиничне Милославской и Наталье Кирилловне Нарышкиной), доказывают, несомненно, что обе эти иконы современны Алексею Михайловичу и

¹ Дворц. разряд. т. III, 654. Цитир. по книге А. Корсакова. Село Коломенское, М., 1870, стр. 82.

может быть, им принесены в дар Казанской церкви. Помещающаяся на левом клиросе икона преподобных Сергия Радонежского и Варлаама Хутынского, поразительно схожая манерой письма с названными образами, безусловно принадлежит кисти того же неизвестного мастера.

Два цилиндрической формы столпа поддерживают своды. Их роспись, как и живопись на стенах, более позднего происхождения, но они своими темными красками весьма гармонируют со строгими тонами иконостаса. Между столбами и иконостасом — небольшое паникадило с двумя поясами свечей. В свое время в храме находились деревянные, обитые шелковым штофом царские места без всяких украшений. Из упомянутой нами описи видно, что такие места имелись и в обоих приделах.

В небольшой трапезной, слева от арки, находится храмовый образ Казанской Божией Матери. Икону осеняет деревянный резной балдахин, увенчанный крестом и тремя головками херувимов. Вокруг лика Богородицы большой венчик поверх медной ризы; на венчике корона из простых камней. Рядом — старинный же образ святителя Николая с шестнадцатью различными моментами из его жития. С середины невысокого потолка свешивается малое паникадило в 7 лампад.

Трапезная двумя дверьми сообщается с приделами. В храме близ алтаря имеются еще 2 пролета, ведущие в те же приделы. В Димитриевском приделе за правым клиросом помещается местночтимая «Державная» икона Божией Матери, являющаяся хорошим списком с чудотворного образа, явленного на памяти наших современников, в 1917 г. Иконописец-копиист умело воспроизвел несколько поблекшие от времени краски оригинала. Празднование иконе совершается 2 марта.

Как снаружи, так и внутри Казанская церковь за время своего существования почти не подвергалась переделкам. Только в связи с разборкой дворца были упразднены двери, к которым вел описанный выше переход, да некоторые ячейки между столбами, поддерживающими галереи, застроены для церковных нужд. В целом храм сохранил характер небольшой, уютной, домово́й церкви, какою он был во времена богомольнейшего из русских царей.

Служба в Казанской церкви совершается ежедневно. Дни престольных праздников — 8 июля, 22 и 26 октября.

ГЕОРГИЙ АЛЕКСАНДРОВ

КЛАДБИЩЕНСКИЕ ЭСКИЗЫ

Очерк второй

Московские кладбища существуют менее двухсот лет. История их возникновения в кратких чертах такова. В старину, как известно, и в Москве было в обычае хоронить покойников при церквях и монастырях. При появлении какой-нибудь эпидемии такое обилие мест погребения представляло для живущих немалую опасность. Повидимому, из этих соображений Петр Великий (указом от 10 октября 1723 г.) запретил погребение при многих церквях (ранние подобные указы царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича касались только Кремля). Так как указы систематически нарушались, потребовались новые энергичные меры. В бытность свою в Москве в 1748 г. императрица Елизавета Петровна воспретила похороны при всех церквях, находившихся на пути от Кремля до ее дворца на Яузе, а имевшиеся при них могилы повелела сравнять с землею. Для погребения же умерших в соответственных приходах императрица приказала отвести кладбище вне Москвы и выстроить там на ее кош церковь. Устройство кладбища было поручено особому комитету, куда (по назначению Елизаветы Петровны) вошли игумен Сретенского монастыря Лаврентий, архитектор князь Ухтомский и другие. Эти лица избрали было Трифоновскую, что в Напрудной слободе, церковь, но Святейший Синод нашел почему-то это место неподходящим. Тогда комитет рекомендовал новый пункт, близ Марьиной рощи, что и было одобрено.

В 1750 г. на показанном месте выстроили деревянную церковь, которая 21 декабря этого года и была освящена во имя Св. Лазаря Четверодневного. Таким образом, старейшим в Москве являлось упраздненное теперь в связи с реконструкцией столицы Лазаревское кладбище. Не к чести наших предков, они отнесли к первому общественному кладбищу с недоверием и даже с озлоблением. Но в конце 1770 г. в Москве появилась ужасная гостья — чума, которая в короткий срок приняла небывалые размеры. Несомненно, что некоторые небрежные захоронения при церквях способствовали распространению страшной из болезней. Тогда же было строжайше запрещено погребать умерших при любом московском храме, и с 1771 г. учреждены новые загородные кладбища. Горький опыт оказался хорошим воспитателем, и общественные кладбища прочно вошли в быт москвичей.

Обычно кладбища носят названия урочищ, к которым прилегают (Ваганьковское, Калитниковское) или местных церквей (Пятницкое — в честь придельного храма во имя св. мученицы Параскевы Пятницы).

Вникните в надписи на могилах. Пространные и краткие, в прозе или стихах — они весьма различны. Некоторые из усопших и похоронены как в одеждах сословности, которые они носили в условиях своего времени («надворный советник», «купец I гильдии» и т. п.) — об иных сообщаются ненужные подробности (жена 3-го брака, в супружестве жил 27 лет и 6 мес. и т. п.). Искатели промывают многие тонны песка, прежде чем наткнутся на несколько крупинок золота. Так и здесь среди малозначущих слов вдруг засверкает прекрасное изречение из Священного Писания: «Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы».

Поразительно разнообразие надгробий. Каменные склепы с тяжелыми железными дверьми встречаются теперь редко. Их заменили склепы легкого типа, напоминающие беседки. Стены — решетки из тонкой проволоки под такой же крышей. Рядом с могилой скамейка и тумбочка, покрытая вышитой скатертью, чаша с цветами, портрет под стеклом. В такой беседке, под небольшим обелиском белого мрамора, покоится пятилетний ребенок — Люся Васильева.

Это — трогательное надгробие. Уж очень ярко выявлена здесь человеческая забота об умершем. И повидимому часто отмыкается запертая дверь, и скорбная фигура женщины на долгие часы застывает над этой могилой...

Вот памятники-символы. Массивный черный мраморный крест искусно вделан в оправу из темнокрасного мрамора. На кресте высечен круг, в нем крупные пересекающиеся буквы Х и Р и мелкие — начальная и конечная греческого алфавита — альфа и омега (могила профессора архитектуры Константина Михайловича Быковского).

Иногда на могиле стоит аналой из серого камня с евангелием, раскрытым на той странице, где возвещается, что «блаженны чистые сердцем, яко тии Бога узрят». И ангелы с поникшей главою, и ангелы с воздетыми руками, и маленький деревянный крест с поблекшею окраской — все эти памятники и знаки направляют наши думы в одну сторону. Помни о смерти... Иди неуклонно дорогою добрых дел, дабы ангел смерти не застал тебя стоящим в сомнении на одном из ее перекрестков.

Еще памятник прекрасный по своей идее. На могиле величайшего русского актера XIX в. Павла Степановича Мочалова (1800—1848) стоит цилиндрическая каменная колонна. Она увенчана полушарием, которого касается каменная линейка. Это глубочайший символ. Как касательная имеет с шаром только одну общую точку, так мимолетна и земная жизнь человека. На короткий срок сверкнул изумительный талант, потрясавший сердца зрителей, и вот «безумный друг Шекспира», — так именует его эпитафия, — остался лишь в истории отечественного театра, как одна из самых блестящих ее страниц¹.

¹ Эпитафия П. С. Мочалову замечательна.... Позволительно привести ее здесь целиком.

Ты слыл безумцем в мире этом,
И бедняком ты опочил,
И лишь пред избранным поэтом
Земное счастье находил.
Так спи, безумный друг Шекспира,
Оправдан вечности Отцом.
Вещал Он, что премудрость мира —
Безумство пред Его судом.

1. Коринф. 3, 19.

В общем могила очень скромна. За невысокой чугунной оградой, на малом пространстве погребены, кроме П. С., его отец — актер С. Ф. Мочалов и брат Платон.

**
*

Панихида. Старенький священник в скуфье и черной епитрахили тихо возглашает и поет, часто взмахивая кадильницей, в которой давно догорели угли и улетучился ладан. Женщина средних лет неторопливо крестится и шепчет что-то свое. Несомненно, что душа усопшего радуется в эти минуты, получая молитвенную помощь. Потом священник благословляет могилу и сквозь заросли кустов пробирается на дорожку, а женщина все стоит и, наверное, еще долго будет продолжать беседу со своим близким. Порой утрата переживается так сильно, что человек находит отраду только в мечтах о том времени, когда души, облеченные новой плотью, соединятся вновь у престола Всевышнего...

**
*

Людей хоронят рядом не только по родственным соображениям, но и потому, что они были одного душевного склада, одинаковых благородных побуждений. Неподалеку от церкви посетитель Пятницкого кладбища найдет целую усыпальницу светлых умов и благородных сердец. Через малозаметную дверцу в ограде можно подойти близко к красивому обелиску желторозового финского мрамора, утверждённому на двух каменных ступенях. На лицевой стороне кратко обозначено: «Тимофею Николаевичу Грановскому (1813—55)». Возле же похоронены и другие питомцы Московского Университета: Н. Х. Кетчер, основатель Высших женских курсов в Москве В. И. Герье, брат известного общественного деятеля А. В. Станкевич и др. В уголке под глыбой черного мрамора покоится человек, фамилия которого составляет гордость русского театра — друг Пушкина и Гоголя, Гевцена и Шевченко — великий актер Михаил Семенович Щепкин (1788—1863). И они, выдающиеся деятели культуры, почили как добрые христиане вместе с безвестными тружениками, чьи имена зачастую поистерлись с крестов и плит. Таков удел всех, коротко земное странствование — снова и снова проходит в сознании лейт-мотивом. Надо наполнять жизнь добрыми делами, дабы не обинуясь предстать перед Нелицеприятным Судией. И верится, что людям, которые страстно служили обществу, содействуя просвещению и воспитанию ближнего, скажет некогда Сын Человеческий: «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира!» (Матф. 25, 34).

**
*

Время внесло свои поправки во многое. Изменило оно коренным образом и вид похоронной процессии. 20—30 лет тому назад на улицах Москвы часто можно было встретить погребальный катафалк под балахином. Кучер в белом балахоне и цилиндре важно восседал на козлах, и лошадей, покрытых кружевными белыми же попонами, вели под уздцы степенные служители. Провожающие следовали за гробом в пролетках и пешком, так что шествие растягивалось на значительное расстояние. Теперь же к самым дверям храма подъезжает автобус, новенький и блестящий, как его ровесники, курсирующие по магистралям города. Эта современная машина с постаментом для гроба посредине и длинными скамейками вдоль стен, обслуживаемая водителем и одним-двумя помощниками, выполняет свою работу быстро и незаметно. Бесспорно, что такой способ доставки покойников на кладбище уступает прежнему в торжественности, но он несравненно удобнее и нисколько не нарушает интенсивной жизни столицы.

Тишина, окутывающая аллеи и могилы кладбища, сменяется у его ворот некоторым оживлением. У окошка кладбищенской конторы собрались родственники, чтобы выполнить необходимые формальности. Здесь же фотограф с треножником в руке и ящиком-аппаратом через плечо розыскивает нуждающихся в его услугах. Нищие старики и старухи протягивают руки за милостыней—иные безмолвно, другие с раз навсегда усвоенным причитанием. Одни они заслуживают пространного описания, а некоторые из них—такие завсегдатаи кладбища, что ими можно пользоваться в качестве гидов. Русские люди исстари нищелюбивы, и почти каждый, направляющийся к выходу, старается положить хоть что-нибудь на сухую, морщинистую ладонь.

Стоит отойти несколько шагов от святых ворот, как шумы большого города начинают раздаваться точно с удесятеренной силой, более стремительным воспринимается всякое движение, а сознание, полное иных впечатлений, еще долго не может привыкнуть к этому контрасту.

Г. А.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

(От Редакции)

В течение последних месяцев Редакция нашего журнала буквально наводняется потоком стихотворений, поэм; нередко присылаются целые тетради стихотворений.

Они отражают массовое стремление православных мирян, пастырей и архипастырей поделиться с читателем в художественно-одухотворенной форме своими настроениями, переживаниями, чувствами.

Стихи — одна из труднейших форм литературного творчества. Но она имеет и свою, очень сложную «технологию». Ряд авторов, не владеющих достаточными познаниями в области композиции стиха, поэтических стилей, ритма и т. п., искренно считают «стихами» обыкновенную прозу на том только основании, что написана она в рифму. Таким авторам мы усерднейше советуем терпеливо учиться поэтике, пользуясь консультацией квалифицированных профессиональных поэтов и ученых литературоведов.

Но редакция предельно ограничена и в возможностях печатания действительно хороших стихотворений.

Прежде всего потому, что они выпадают из стиля нашего журнала — церковно-официального, богословско-практического, церковно-исторического и информационного.

На протяжении тридцати номеров тип «Журнала Московской Патриархии» достаточно определился и для читателя выяснился.

Редакция высоко ценит авторскую инициативу и активность и их стремление помочь церковному печатному органу.

Мы просим их принять участие в его работе присылкой не стихов и поэм, которые мы, повторяем, лишены возможности использовать (за исключением отдельных случаев), а статей на важнейшие церковно-исторические темы, по важнейшим вопросам пастырской и архипастырской практики, церковно-общественной работы и т. п.

Вместе с тем, Редакция, открывая отдел «Из жизни епархий», обращается к авторам с просьбой, не стесняясь формой изложения, писать обо всем интересном в жизни своих епархий и приходов.

Такие сообщения Редакция сможет использовать, публикуя их либо полностью, либо в сокращенном виде. Информация о церковной жизни на местах имеет большое значение, и к участию в освещении ее редакция усердно призывает архипастырей, пастырей и активистов-мирян.

Всю корреспонденцию направлять ответственному секретарю редакции «Журнала Московской Патриархии» протонерею А. П. Смирнову.

Издатель:
МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ

Редактор:
РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Церковная жизнь

Стр.

Годовщина интронизации Святейшего Патриарха Алексия	3
От Святейшего Патриарха Алексия	6
Воссоединение	7
Праздник в честь иконы Божией Матери „Утоли моя печали“	9

Речи, проповеди

<i>Митрополит Николай. Дети и братья</i>	13

Статьи

<i>Д. И. Светозаров. Народы-братья</i>	17
<i>Никита Волнянский. Незабвенный сборник православия в Белоруссии</i>	20
<i>А. С. Благовест (стих.)</i>	30
<i>Д. Н. Терентьев. Перед праздником (стих.)</i>	30
<i>Георгий Александров. Коломенское (окончание)</i>	32
<i>Г. А. Кладбищенские эскизы (очерк второй)</i>	35
Вниманию авторов	39

ОТ РЕДАКЦИИ

„ЖУРНАЛА МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ“

Редакция извещает, что производится подписка на „ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ“ на 1946 г. Стоимость журнала (12 номеров) 120 рублей в год. За границу годовая подписка — 6 амер. долл.

Подписка от частных лиц принимается через Епархиальные управления и районных благочинных.

Наложенным платежом изданий редакция не высылает.

Адрес редакции: Москва, 34, Чистый пер., д. 5. Редакция „Журнала Московской Патриархии“.

По всем редакционным делам обращаться к ответственному секретарю редакции „Журнала Московской Патриархии“ протоиерею А. П. Смирнову — Москва, 34, Чистый пер., 5, Редакция „Журнала Московской Патриархии“.

Цена 10 руб.

Price 50 cents.